

An illustration of a man and a pregnant woman in a richly decorated room with red walls and a chandelier. The man, with dark hair and a beard, wears a dark patterned shirt and has a tattoo on his left arm. He stands behind the woman, his hand resting on her neck. The woman has long, wavy red hair and wears a long, ribbed brown dress. The room features a red patterned rug, a dark wooden cabinet with ornate items, and a plush red armchair.

Сицилийский
порок

Vitta Vex

18+

Vitta Vex

Сицилийский порок

<https://litres.ru/74196523>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она выбрала его по фотографии. Он был самым красивым, самым опасным. Она не знала, что её любовь станет её клеткой.

Виттория Риццо мечтала о любви. Но в мире мафии женщины не выбирают — их выбирают. Она указала на Луку ди Лауро — мужчину, который заставил её сердце биться быстрее. Того, кто однажды скажет ей, что она для него — ничто.

Она пыталась заслужить его любовь. Она ждала, надеялась, верила. Но чудовище не становится принцем, как бы сильно ты его ни любила.

Когда надежда умирает, остаётся только один вопрос: как далеко ты готова зайти, чтобы тебя запомнили?

«Сицилийский порок» — тёмная история о любви, которая становится войной. И о женщине, которая решила играть по правилам чудовища.

Содержание

Пролог	4
ГЛАВА 1. КИПАРИСЫ	8
Глава 2. Добро пожаловать	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Vitta Vex

Сицилийский порок

Пролог

В кабинете дона не было ни грамма лишней роскоши: он не терпел показного богатства, предпочитая, чтобы власть чувствовалась в воздухе, а не в золоте на стенах. За столом сидела его дочь, донна Виттория, а по правую сторону от дона стоял консильери Роберто: он должен был присутствовать, чтобы зафиксировать выбор.

Винченцо очень любил свою дочь и безмерно уважал её — именно поэтому он дал ей право выбора, хотя обычно в их мире никто не спрашивает у женщин такого, и уж тем более не позволяет им решать. Но не стоит обманываться, дон дал ей выбор без выбора.

На столе лежало три фотографии, Виттория не знала этих мужчин, но должна была выбрать своего мужа, отталкиваясь только от внешних черт.

- Дорогая, делай выбор. – проговорил дон.

Виттория внимательно разглядывала мужчин, понимая, что нельзя за минуту выбрать того, с кем проведешь остаток жизни, — но выбора всё равно не было. Один казался слишком старым, второй оттолкнул её с первой секунды чем-то неуловимо липким во взгляде, а вот третий... третий сразу забрал всё внимание себе. Брюнет с голубыми глазами, которые смотрели прямо в душу, словно проверяли, испугаешься ты или нет. Небрежная щетина не была случайной — она стала частью его образа, его аксессуаром, как и руки, скрещенные на груди, и лёгкая ухмылка на губах. В его глазах читался азарт, который заряжал странной энергией, и Виттория поймала себя на том, что хочет смотреть в них вечно.

Она свой выбор сделала.

- Вот этот, - Виттория тыкнула пальцем на третью фотографию.

Роберто нервно взглянул на дону, но тот лишь коротко кивнул, давая понять, что вопрос закрыт.

- Ты можешь идти, - сказал ей отец, и его голос не предполагал возражений.

Она встала, поправила свое бежевое платье и вышла из кабинета, не задавая лишних вопросов — она давно усвоила, что перечить бесполезно, а спрашивать о том, чего все равно не изменишь, пустая трата времени.

Выйдя из кабинета, она прижала ладонь к груди, чувствуя, как колотится сердце. Она не знала, кто этот мужчина, но он

уже занимал все её мысли.

- Дон Винченцо, это невозможно! — шепотом сказал Роберто, бросая быстрый взгляд на дверь, за которой только что скрылась Виттория. — Он женат.

Винченцо не спеша отпил виски, давая словам повиснуть в воздухе, и только потом ответил, даже не повышая голоса:

- Нет ничего невозможного. Или ты хочешь, чтобы я сам устранил проблему? — в голосе дона не было угрозы, только спокойная констатация факта.

- Я все сделаю, нет повода для беспокойства. Когда оповестить Луку?

Дон с трудом поднялся с кресла — Роберто заметил, как пальцы на секунду впились в подлокотник, — и медленно, стараясь не показывать слабости, прошёл к окну. Консье́рье знал, что дон болен. Знал, что осталось ему недолго. И понимал, почему Винченцо так спешит: он не мог оставить после себя пустоту, а это значит, новый дон должен быть назначен при его жизни — пусть даже формально, через завешание и брак с Витторией.

Лука был самым жестоким капо из всех, кого знал дон, — и именно поэтому он не боялся отдавать за него дочь. Жестокость в их мире была не пороком, а инструментом. Тот, кто не боялся марать руки, редко ошибался в вопросах власти. Дон знал: Лука будет справедливым к тем, кто ему верен, и безжалостным к тем, кто встанет на его пути. А уважение семьи он заслужил давно. Что касается брака...

София, дочь капо Валентино, была его женой уже пять лет, но в их мире брак никогда не был чем-то большим, чем разменная монета. Важны были союзы, а не чувства.

— На моих похоронах, — Винченцо произнёс это так же спокойно, как если бы обсуждал погоду. — Сделай всё как положено.

- Как вам угодно. — Роберто не стал спорить. С доном это было опасно для жизни.

Винченцо смотрел на фотографию Луки и знал: этот человек либо станет величайшим доном Сицилии, либо уничтожит всё, до чего дотронется. И делал ставку на первое.

ГЛАВА 1. КИПАРИСЫ

Виттория не любила кладбище. Слишком много раз она бывала здесь с отцом — на похоронах его людей, их жён, их детей, которые никогда не выросли. Каждый раз Винченцо стоял у очередной могилы с лицом, не выражающим ровно ничего, а она молча сжимала его руку и считала кипарисы — высокие, чёрные, равнодушные — лишь бы не думать о том, как земля с глухим стуком падает на крышку гроба.

Сегодня кипарисы были те же, и их по-прежнему было сорок семь — она насчитала, пока поднималась по каменной лестнице, стараясь не смотреть на свежую землю у края могилы.

Мраморные плиты отражали полуденное солнце так ярко, что приходилось щуриться, а воздух дрожал от жары, делая траву под ногами жёлтой, почти белой — выжженной до состояния бумаги. Где-то внизу, за оградой, шумел город — но здесь, на холме, царила мёртвая тишина, которую изредка нарушал скрип гравия под десятками чёрных туфель.

Люди заполнили всё пространство между склепами — мужчины в строгих костюмах, женщины в длинных чёрных платьях и шляпах с вуалями, скрывающими лица, — Виттория почти никого из них не узнавала, хотя каждый из них, без сомнения, знал её. Чужие взгляды скользили по её лицу,

по траурному платью, по побелевшим пальцам, сжатым в замок перед собой, а у неё за спиной то и дело шептали «донна Виттория», но она не оборачивалась, потому что знала — сейчас её лицо принадлежит не ей, а памяти отца.

Гроб стоял у самого края могилы — матовое дерево с бронзовыми ручками, слишком тёмное для человека, который при жизни никогда не носил чёрное и всегда повторял, что «траур — для слабаков». Сегодня, подумала Виттория, он бы непременно надел белое — просто чтобы позлить всех этих мужчин в одинаковых чёрных пиджаках, столпившихся у его могилы. Она улыбнулась этой мысли, но только краем губ, и никто из тех, кто смотрел на неё, не заметил этой улыбки.

Рядом с ней не было никого, кроме Роберто, который стоял чуть позади, на расстоянии ровно полшага — достаточно близко, чтобы поддержать, если она пошатнётся, но достаточно далеко, чтобы не мешать ей держать лицо перед сотнями чужих глаз.

Когда священник наконец закончил бормотать латынь над гробом, началась бесконечная процессия прощания — они подходили по одному, по двое, по трое, целыми делегациями от семей со всей Сицилии, и каждому из них Виттория должна была кивнуть и принять соболезнования с каменным лицом.

Первым подошёл старик с палкой, которого Виттория никогда не видела. Он остановился у гроба, перекрестился,

что-то прошептал. Потом повернулся к ней, наклонил голову и сказал:

— Донна Виттория, — голос скрипучий, как несмазанная дверь. — Ваш отец был великим человеком.

Старик отошёл, и на его месте тут же оказался другой — грузный мужчина в дорогом костюме с золотыми запонками, которые ярко блестели на солнце, — и, наклонившись, поцеловал Витторию сначала в левую щеку, потом в правую, как это издавна принято среди старых боссов, при этом тихо произнеся: «Примите мои соболезнования, донна Виттория».

За ним — третий. Четвёртый. Пятый. Руки, лица, шёпот. «Соболезную», «великая потеря», «он был как отец для меня». Слова текли мимо, не задерживаясь.

Когда Роберто слегка коснулся её локтя и тихо произнёс «капо Франческо из Палермо», Виттория инстинктивно выпрямилась, потому что этого человека она знала — высокий, седой, с орлиным носом и цепкими глазами, он был одним из старейших капо и старым другом её отца.

— Виттория, — сказал он, обращаясь к ней не как к «донне», а просто по имени, и в этом простом жесте было больше уважения, чем во всех поцелуях рук, — твой отец говорил о тебе, всегда говорил. — Он наклонился и поцеловал её в лоб, — а затем добавил, не дожидаясь ответа: «Если нужна будет помощь — зови, не стесняйся».

Следующим был Марчелло — брюнет, моложавый, в иде-

ально сидящем костюме, больше похожий на адвоката или банкира, чем на мафиози, и в его глазах не было ни капли горя, только холодное любопытство, с которым он рассматривал Витторию, словно товар на рынке — оценивал, взвешивал, примерял. А затем подошёл Франко — шатен с ничего не выражающим лицом, про которого отец любил говорить «в тихом омуте», — и, даже не наклонившись к её щеке и не поцеловав руку, просто кивнул, сухо произнёс «Соболезную, донна Виттория» и так же молча ушёл, оставив после себя только лёгкий запах дорогого табака.

Роберто наклонился к её уху и тихо сказал: «Третий должен быть здесь», — и Витта сразу поняла, кого он имел в виду — Лука, того самого, с фотографии, которую она выбрала. Но он появился не сразу: сначала к ней потянулась делегация из Трапани — чужие люди, которые знали её лучше, чем она их, — потом священник снова затянул что-то о спасении души, и только когда Витта уже почти потеряла надежду, она увидела его.

Он стоял в самом конце дорожки, за каменной оградой, в тени одного из тех высоких кипарисов, что Витта только что считала, — белая рубашка с закатанными рукавами, чёрные брюки и ни малейшего намёка на пиджак, хотя в такую жару все мужчины на кладбище были в строгих чёрных костюмах, но он не из тех. Она узнала его сразу, потому что это был тот самый мужчина с фотографии — брюнет с голубыми глазами, которые сейчас смотрели не на неё и даже не

на гроб, а куда-то сквозь неё, в пустоту, небрежная щетина, руки в карманах и лёгкая ухмылка. Он стоял и не двигался с места, не подходил к гробу, не выражал соболезнований, даже не делал вида, что скорбит, — и это выделяло его среди сотен других так же ярко, как белая рубашка среди чёрных пиджаков.

Витта смотрела на него, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, и когда она, наконец, заставила себя спросить у Роберто «почему он не подходит», консильери ответил так тихо, что она едва расслышала: «Он не должен, донна Виттория — он капо из Трапани, его очередь будет позже, если вообще будет», — и Виттория, не понявшая до конца этого ответа, не стала задавать новых вопросов, потому что поняла главное: спрашивать об этом здесь и сейчас — значит показать слабость.

Когда всё наконец кончилось — когда гроб засыпали землёй, люди начали расходиться, а тишина стала не такой давящей, — Роберто подал Витте руку и тихо сказал:

- Пора ехать, Виттория.

Она не спрашивала куда, она и так все поняла.

Кабинет Луки находился в восточном крыле дома, куда редко доносились звуки с улицы. Это была просторная комната с высокими потолками и окнами, выходящими в сад,

который в летний зной казался выжженным добела. Стены, обитые тёмным деревом, хранили прохладу, но в воздухе всё равно висела тяжесть — смесь старой кожи, табачного дыма и сухих чернил.

В дальнем углу стоял огромный письменный стол из потемневшего ореха. Никаких лишних вещей — только кожаная папка для бумаг, чернильница и один-единственный медный подсвечник, которым, судя по всему, никогда не пользовались. За столом — массивное резное кресло с высокой спинкой. Перед столом — два простых стула для посетителей.

На стене за креслом висела карта Сицилии — старая, потрепанная, с пометками, которых посторонний не разобрал бы. Рядом — несколько фотографий в чёрных рамках: люди, чьи лица уже забылись, но чьи имена всё ещё что-то значили.

У противоположной стены притулился бар — скромный, без вычурных бокалов, только стеклянные графины с тёмной жидкостью и две стопки. Пол кабинета был застелен тёмным паркетом, местами потрескавшимся от времени, но натёртым до скучного блеска.

Единственное, что нарушало суровую простоту — небольшой стол у окна с шахматной доской, где была замерла партия, которую Лука, видимо, разбирал сам с собой.

Лука вошёл не сразу — Роберто слышал его шаги в коридоре, ровные и неторопливые, но, когда дверь открылась, он поднялся из уважения к посланнику воли покойного дона.

Они обменялись короткими кивками, и Лука занял своё место за столом, ожидая, когда консильери заговорит.

— Я пришёл с волей дона Винченцо, — сказал Роберто, и его голос был ровным, почти лишённым интонаций, но в самом этом спокойствии чувствовалась сила, которую Лука не мог и не смел оспаривать.

Он медленно расстегнул портфель, достал запечатанный конверт из плотной бумаги и положил его на стол перед Лукой.

Лука посмотрел на конверт. Не взял в руки. Только спросил:

— Что там, консильери?

— Присядь, — Роберто указал на кресло, и Лука сел.

Консильери взял конверт, вскрыл печать, развернул лист и начал читать:

— «Я, дон Винченцо из Палермо, будучи в здравом уме и твёрдой памяти, завещаю: после моей смерти моя дочь, донна Виттория, должна выйти замуж за одного из трёх капо — Лука из Трапани, Франко из Палермо или Марчелло из Катании. Брак делает её избранника новым доном Сицилии. Мужчина, который станет моим зятем, должен быть достоин этого титула. Выбор за Витторией».

Он сделал паузу, поднял глаза на Луку. Тот сидел неподвижно, глядя в одну точку на столе, и только пальцы, лежащие на подлокотниках кресла, чуть заметно побелели на костяшках.

— Кого она выбрала? — спросил Лука. Голос не дрожал, но в нём не было и той холодной уверенности, которая отличала его на встречах капо, — только тихое, почтительное ожидание.

— Тебя, — ответил Роберто, и это слово повисло в воздухе, тяжёлое и неотвратимое. — Она выбрала тебя, Лука.

Лука молчал. Секунду. Тишина в кабинете стала почти осязаемой — только часы на стене отбивали удары, да где-то в саду застрекотала цикада, равнодушная к тому, что происходило в этих стенах.

— Я женат, — сказал наконец Лука. Не жалоба и не протест — просто факт, который Роберто и так знал.

— Дон Винченцо знал это, — Роберто убрал документ обратно в портфель, не торопясь, будто давая Луке время осознать услышанное. — Он сказал, что это не проблема.

Лука поднял глаза на консилиери.

— Что я должен сделать с Софией?

Роберто выдержал его взгляд, и в этом молчании было больше ответа, чем в любых словах.

— Дон Винченцо сказал: это твоя проблема, — произнёс он наконец, и в голосе его не было ни злорадства, ни сочувствия — только спокойная констатация воли покойного.

Лука медленно кивнул, и этот кивок был тяжелее любого слова.

— Когда?

— Сейчас, — Роберто встал, застегнул портфель. — Она

уже едет в Трапани. Твой дом — теперь её дом.

Он направился к двери, но на пороге остановился.

— Дон Винченцо очень надеялся на тебя, Лука, — сказал он, не оборачиваясь.

Он вышел, и дверь за ним закрылась с тихим, почти неслышным щелчком.

Лука остался один в кабинете. Сидел, глядя на пустой стул напротив, на котором только что сидел Роберто. Не двигался. Не пил. Просто сидел и смотрел в одну точку, и трудно было сказать, о чём он думал — о Софии, о Виттории, о воле мёртвого дона или о том, что его жизнь только что перестала принадлежать ему.

Через минуту он медленно поднялся, подошёл к окну и долго стоял, глядя на выжженный солнцем сад, пока тени от деревьев не стали длинными и чёрными, а цикады не смолкли.

Он не произнёс ни слова. Ему нечего было сказать.

Спустившись по широкой лестнице в тишину первого этажа, где каждый шаг отдавался глухим эхом, Лука принялся искать жену, словно в этом доме она была единственным тёплым пятном среди холодных каменных стен.

Мысль о Софии обожгла его изнутри. Они прожили в браке уже пять лет — все это время он был по-настоящему влюблен в нее, а теперь, по воле мертвого дона, должен был от этой любви избавиться, словно от ненужной вещи.

София отличалась особой, почти неземной покладисто-

стью: для такого человека, как Лука — занятого, опасного, вечно погруженного в тёмные дела, — она оказалась идеальной женой, потому что никогда не встревала в его разговоры, никогда не пыталась узнать лишнего, занималась домом с тихой гордостью и, что было важнее всего, никогда не задавала тех глупых вопросов, на которые у него не было бы ответов. Она была красива, даже слишком красива, как иногда с болью думал он, ловя себя на том, что смотрит на неё дольше, чем следовало бы мужчине, который привык не привязываться к людям.

Каждое утро, за несколько минут до её пробуждения, он осторожно касался кончиками пальцев её щеки, ещё хранившей тепло сна, и подолгу любовался этим сонным спокойствием, которое позволяло ему чувствовать себя не боссом мафии, а просто мужчиной, а каждый вечер, где бы он ни был, он ловил себя на мысли, что ждёт момента, когда сможет вернуться домой и поцеловать свою жену, зная, что она ни о чём не спросит.

Детей у них не было — сколько ни старались, ничего не выходило, и врачи, которых они меняли одного за другим, как один разводили руками, подтверждая, что оба физически здоровы, но природа, видимо, решила иначе.

Луке было, по большому счёту, всё равно на отсутствие наследников — он любил даже не столько саму Софию, сколько одну только мысль о том, что она существует, что она дышит с ним в одном доме, и точно не хотел делить её с

кем бы то ни было, даже с собственным воображаемым ребёнком.

Он нашёл её в гостиной — в той самой гостиной, где они пили утренний кофе каждое воскресенье и где она иногда ждала его глубоко за полночь, не зажигая свет, — она сидела в кресле у окна и рассеянно перебирала тонкими, почти прозрачными пальцами страницы какого-то глянцевого журнала, хотя было заметно, что она не читает, а просто думает о чём-то своём, далёком и тихом. Лука задержался в дверном проходе лишь на одно короткое, рваное мгновение, потому что интуитивно понял: это мгновение было последним, когда их жизнь ещё принадлежала только им двоим.

— София, — позвал он тихо, почти шёпотом, словно само её имя сейчас было единственным, что он осмеливался произнести без дрожи в голосе.

Она медленно, с той особой грацией, которая не пропадала в ней даже в самые обыденные минуты, повернулась к нему и одарила своей привычной тёплой улыбкой — той самой, от которой у него всякий раз замирало сердце, хотя он никогда ей этого не показывал, — а затем аккуратно отложила журнал на подлокотник и замерла в ожидании, когда он подойдёт и сядет рядом, как делал всегда после долгих и тяжёлых дней.

Но Лука стоял как вкопанный, не в силах сделать этот шаг, который сотни раз делал прежде, потому что сейчас его ноги будто налились свинцом, а язык отказывался повиновать-

ся — он пытался найти слова, правильные, щадящие, может быть даже лживые, но в голове была только одна пугающая и безжалостная мысль, от которой не получалось отмахнуться: через несколько часов этот дом уже не будет её домом, а она не будет его женой.

- София, нам нужно поговорить.

Он опустил глаза в пол и замер на целую минуту, чтобы перевести дыхание, потому что воздух вдруг стал тяжёлым, будто в комнате разом кончился кислород, а лёгкие отказывались работать как положено. Сердце билось как бешеное — так колотят в закрытую дверь, когда за спиной уже слышны шаги погони, а выхода нет и, кажется, уже не будет.

Отец всегда говорил ему: любовь — это слабость, и мужчина, который позволяет себе привязываться к женщине, рано или поздно заплатит за это. Но Лука вопреки всем наставлениям, вопреки своей репутации самого жестокого капо Трапани и вопреки здравому смыслу, который всегда был его главным оружием, — всё-таки влюбился, и случилось это пять лет назад, в их первую ночь, воспоминание о которой до сих пор оставалось для него сладким, тягучим, как мёд, который едят маленькими ложками, чтобы растянуть удовольствие.

Он помнил каждое мгновение той ночи: как она смущённо улыбалась, когда он вошёл в спальню, как пахли её волосы — не духами, а чем-то простым, вроде ванили и чистого постельного белья, — и как она заснула у него на плече, до-

верчиво прижавшись, словно знала его не несколько часов, а целую жизнь. В ту ночь он понял, что отец ошибался. Любовь не была слабостью — она стала той единственной уязвимостью, которую Лука выбрал для себя сам, без принуждения, и теперь эта уязвимость превращалась в его самый страшный приговор.

- Что случилось, Лука, - она встала с кресла и подошла к нему. — На тебе лица нет.

— Я должен стать новым доном Сицилии, — прошептал он, почти не разжимая губ, и при этом так крепко сжал её руку, будто боялся, что она исчезнет, растворится в воздухе прямо сейчас, не дослушав до конца.

— Что тебя так расстроило? — София и правда не понимала, и в её голосе сквозило искреннее недоумение: если его выбрали, значит уважают и ценят больше всех, разве не об этом мечтает каждый капо, разве не за этим они все убивают и рискуют каждый день?

— Всё не так просто, — он резко отошёл от неё на несколько шагов, словно её близость вдруг стала невыносимой, и замер у окна, спиной к ней, потому что знал: если он сейчас увидит её лицо — полное надежды и непонимания, — то не сможет сказать то, что должен.

— Расскажи мне, — тихо попросила она, и в этом «расскажи» было столько доверия, столько привычной покладистой веры в то, что он всегда найдёт выход, что у Луки защемило в груди. София стояла на прежнем месте и рассматри-

вала спину своего мужа, высокую и напряжённую, его широкие плечи, которые сейчас опустились, будто под тяжестью невидимого груза, и ждала — ждала хоть какой-то информации, любого слова, которое вернуло бы ей уверенность в том, что всё образуется.

— Дон Винченто... его волей было... — Лука запнулся на полуслове, и эта пауза затянулась так долго, что София, кажется, перестала дышать. — Он сказал... он написал в завещании, что мне нужно жениться на его дочери.

София попятилась — сначала один шаг, потом второй, третий, словно её отбрасывало от него страшной силой, — её глаза, ещё минуту назад такие спокойные и доверчивые, заметались по сторонам, будто искали ответ на стене, на полу, в высоком потолке гостиной, но ответа нигде не было, и она никак не могла понять, как такое вообще возможно, чтобы мёртвый дон разрушал живые судьбы.

— Я понимаю, — голос Софии дрогнул, но она всё ещё пыталась держаться, цепляясь за соломинку собственного непонимания, — ты отказался, и теперь переживаешь, но Дон Винченто всегда был понимающим человеком, он не стал бы настаивать... правда, Лука? Всё будет хорошо, ты же знаешь.

Она подошла к его спине и медленно, осторожно, словно боялась обжечься, положила руку ему на плечо — и этот жест, такой привычный, такой домашний, едва не сломал его окончательно.

Лука резко развернулся к ней, и в этом движении не было ни нежности, ни привычной снисходительной заботы — только гнев, который он больше не мог и не хотел сдерживать.

— София, — он почти выплюнул её имя, — я не отказывался.

Она захлопала своими длинными ресницами часто-часто, словно пыталась согнать наваждение, и нервно, почти истерично улыбнулась, потому что в голове пульсировала одна единственная, отчаянная мысль: он шутит, должно быть, он просто проверяет её, как проверял иногда, когда хотел увидеть, способна ли она сохранять спокойствие в любой ситуации.

— Я не могу отказаться, — сказал он тихо, почти беззвучно, и в этом «не могу» было всё — и бессилие самого жестокого капо Трапани, и покорность судьбе, которую он презирал всю жизнь, и понимание того, что его любовь, его единственная уязвимость, только что стала его смертным приговором. — Не могу.

Лука опустился в ближайшее кресло, сжал голову руками, вцепившись пальцами в собственные волосы так сильно, что побелели костяшки, и замер в этой позе — не победитель, не босс, не убийца, а просто человек, которого загнали в угол.

— Что ты будешь делать? — спросила она, и он отчётливо услышал в её голосе то, чего боялся больше всего на свете: не слёзы, не мольбы, а холодный, тяжёлый гнев и тихую, ещё

не высказанную ненависть, которая росла где-то в глубине её души, вытесняя ту самую покладистость, за которую он когда-то её и полюбил.

Я предал нашу любовь, — подумал он, не поднимая головы, и эта мысль была острее любого ножа, который ему когда-либо приходилось вынимать из тела. — Я предал её. Единственную, кто смотрела на меня не как на чудовище. Единственную, кому я позволил себя увидеть

София убежала, попутно вытирая слезы с лица, она знала правила и законы, лучше любой другой женщины. Ей грозит смерть, от рук своего мужа.

Глава 2. Добро пожаловать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.